

К. Р. Амбарцумян

Взаимодействие поколений в семьях сельского населения Ставрополя и Терека (вторая половина XIX – начало XX века)

История семейной повседневности стала одним из активно осваиваемых исследователями направлений новой социальной истории. Возникновение этого сегмента в контексте российского исторического знания спровоцировало переход в исследовательских практиках историков от линейного описания событий к изучению структур человеческого повседневного бытия в контексте этих событий¹. Изучение повседневности в рамках новой локальной истории способствует более успешной реализации этой задачи. Формируя особый комплекс источников, который приближает историка к обывателю в определенном месте и в определенное время, локальное измерение делает исследовательский труд более антропоцентричным. Однако сосредоточение на человеке в конкретном хронотопе не препятствует видению общего контекста – регионального и общероссийского.

Основной целью данной статьи стало изучение принципов межличностного взаимодействия представителей различных поколений, а также выявление черт нового и старого порядка в семьях сельского населения региона во второй половине XIX – начале XX в. Достижение данной цели представляется целесообразным через адаптацию теоретических постулатов новой локальной истории к конкретным семейным микропространствам. В этой связи объект исследования ограничивается только славянским населением, которое включает в себя крестьянство и казачество.

Обозначенные цель и объект исследования объясняются не только избранными методологическими подходами, но и историографической ситуацией. Поликультурность Северного Кавказа спровоцировала некоторый дисбаланс в комплексе исследований, прямо или косвенно связанных с семейной повседневностью. В большинстве случаев они посвящены традициям семейно-брачных отношений горских и кочевых народов региона². Внутрисемейное

¹ Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/bulygina-ta-stavropol-istoriya-povsednevnosti-i-novaya-lokalnaya-istoriya-issledovatel'skoe>

² Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М., 1979; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1985; Марченко Е. М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа: вторая половина XIX века – 20-е гг. XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века (опыт этнорегионального исследования): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

Амбарцумян Каринэ Размиковна, канд. ист. наук, старший преподаватель Ставропольского государственного университета. E-mail: karina-best21@mail.ru

© Амбарцумян К. Р., 2011

пространство славянского населения Северного Кавказа – как городского, так и сельского, в исследовательских практиках историков и рассматривается преимущественно в контексте исследований по различным аспектам истории: культурной, хозяйственной, правовой и т. д.¹

Традиционно для реконструкции внутрисемейного пространства были востребованы источники личного происхождения: мемуары, переписка. Но когда речь идет о рядовой крестьянской или казацкой семье региона, то источниковая база будет включать совершенно иные составляющие. Помимо периодики, хозяйственно-исторических обзоров, туда вошли частные обращения во власть и материалы судебных тяжб, хранящиеся в архивах города Ставрополя и Владикавказ.

Вторая половина XIX – начало XX в. – период новых реалий в различных сферах жизни российского общества, в том числе в семейной повседневности всех сословий. Формировались новые принципы конструирования внутрисемейного пространства. С разной степенью интенсивности этот процесс протекал в различных сословиях и регионах империи. Наиболее консервативным в этом отношении оказывалось сельское население, и, тем не менее, либерализация межличностных отношений в семье затронула и его.

Внутрисемейное пространство селян характеризовалось жесткостью иерархии, которая формировала определенные поведенческие стратегии во взаимоотношениях родителей и детей. Большая сельская семья представляла собой уменьшенную копию общины. В ней воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом, общностью имущества и двора. Отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела².

¹ Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999; Марченко Е. М. Историческая эволюция института материнства у народов Северного Кавказа. . .; *Край наш Ставрополье*. Ставрополь, 1999; *История народов Северного Кавказа* (конец XVIII в. – 1917 г.) М., 1988; Колесникова Э. Г. Гендерные представления и стереотипы ставропольского провинциального общества в последней четверти XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007; Шафранова О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные воды, 1994.

² Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezgz/04.php

На формирование коммуникаций между поколениями в семьях крестьян и казаков оказывал влияние целый ряд факторов: сельская трудовая повседневность, традиции, религиозные нормы, «прозрачность» границ внутрисемейного пространства для всей общины. В таких условиях закономерным было беспрекословное повиновение младших членов семьи старшим, особенно главе семьи.

Эти же причины сформировали специфическую культуру детства. Межличностные отношения между родителями и детьми начинают конструироваться с рождения ребенка. Почитание Бога и старшего – вот, пожалуй, основной нравственный посыл, прививаемый ребенку с детства. В мировоззрении сельского жителя было сильно религиозное христианское начало, поэтому дети, еще не умея говорить, умели креститься. С максимально возможного раннего возраста их приучали читать молитвы и регулярно посещать церковные богослужения¹. На раннем этапе основы православного вероучения давала мать, но, как правило, религиозное воспитание заключалось в привитии ребенку обрядовой стороны православия.

В воспитательных практиках и казаков, и крестьян превалировало трудовое начало. Дети в работе практически не отделялись от мира взрослых и с ранних лет принимали участие в хозяйственной жизни. Применительно к станице Слепцовой Терской области в источниках приводится возраст четыре года, именно в этот период ребенок начинал вовлекаться в трудовую повседневность². Половозрастное разделение труда обуславливало гендерную направленность воспитания. Это значит, что детям с максимально раннего возраста, в среднем с семи лет, прививались навыки трудовых операций, выполняемых в соответствии с половой принадлежностью. Как и в городской семье, социализация ребенка определялась традиционными представлениями о месте мужчины и женщины в семье и обществе.

Если проиллюстрировать гендерную составляющую в формировании личности ребенка, то воспитательный процесс, по свидетельствам современников, протекал приблизительно следующим образом: «...взрослый мужчина управляет плугом, семилеток сидит на ярме и погоняет быков... семилетняя девочка сидит, забившись в какой-нибудь в уголок в избе, и нянчит ребенка...»³. Пожалуй, этот возраст в сельской семье и был верхней границей детства, после которой ребенок постепенно инкорпорировался во взрослую часть внутрисемейного пространства.

Зыбкость границ между миром взрослых и детей объясняется не только тяготами трудовой повседневности, но и жилищными условиями сельских семей⁴. Как правило, и у казаков, и у крестьян дома были небольшие – одна, реже две комнаты. Поэтому ребенок непроизвольно впитывал ценности взрослой жиз-

¹ Урусов С. М. Станица Екатериноградская, Терской области Моздокского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 11.

² Семенов П. Станица Слепцовская Терской области Владикавказского округа // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 203.

³ Терновский П. Село Чернолесское // СМОМПК. Тифлис, 1881. Вып. 1. С. 115.

⁴ Семенов П. Станица Слепцовская Терской области Владикавказского округа. С. 176; Франгопуло К. Село Прасковья // СМОМПК. Тифлис, 1881. Вып. 1. С. 85.

ни, которые зачастую были деструктивны для детской психики. С другой стороны, взрослые привыкали к постоянному присутствию детей и практически не разграничивали поведение на допустимое при детях и в их отсутствие: «В присутствии ребёнка взрослые говорят между собою, не стесняясь, таких речей, которые не могут послужить ребёнку пользой»¹. Подражая взрослым, дети перенимали вредные и даже пагубные привычки, например употребление алкоголя².

Пребывание в семье в качестве ребенка, таким образом, было непродолжительным. В селе в рассматриваемый нами период положение детей было аналогичным тому, о котором писал Ф. Арьес применительно к европейской истории: «...старое традиционное общество плохо представляло себе ребенка и еще хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к самому хрупкому его периоду, когда маленький человечек еще не может обходиться без посторонней помощи. Очень рано, едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игру»³.

Довольно распространенной практикой в крестьянской и в казачьей среде была отдача детей в наем. Мальчики, как правило, пасли скот, а девочек нанимали в качестве нянек, что было чревато тяжелыми последствиями. Их вынуждали много работать, могли плохо кормить и регулярно подвергать телесным наказаниям. В северокавказской прессе можно встретить сообщения о подобных случаях. В 1866 г. пропал отданный в наем пасти скот сын крестьянина с. Белой Глины⁴. Вот пример из казачьей среды. Казак станицы Воровскольской отдал в наем свою младшую десятилетнюю дочь Ганну. По договоренности она должна была следить за детьми. Хозяин же заставил её пасти скот и полоть просо одновременно. Девочка упустила волов, и они повредили соседское поле. За этот проступок она была избита наемщиком, а когда вернулась домой, отец прогнал её обратно⁵.

Сложности внутрисемейных коллизий напрямую влияли на судьбы детей. Такой тривиальный герой народных сказок, как злая мачеха, имел прообразы в реальной жизни. В одной из заметок газеты «Северный Кавказ» можно прочитать о десятилетнем мальчике из села Баранникова Медвеженского уезда, которого в степи едва не загрызли собаки. Нашедшим его чабанам он рассказал, что по настоянию второбрачной жены отца он был отдан в наем в одну из станиц Кубанской области. Работодатель отправил его на целое лето в степь пасти волов и практически не кормил, поэтому мальчик сбежал домой⁶. Автор этой заметки, красноречиво озаглавленной «Язвы деревни», подводя итоги, отметил распространенность подобных явлений в сельской действительности.

¹ Семенов П. Станица Слепцовская Терской области Владикавказского округа. С. 203.

² Рябых Н. Село Новогеоргиевское (Терновка) Ставропольской губернии и уезда // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 15.

³ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 8.

⁴ Ставропольские губернские ведомости. 1866. № 35.

⁵ Язвы деревни // Северный Кавказ. 1896. № 60.

⁶ Там же.

Насилию могли подвергаться дети не только за пределами семьи. Вновь обратившись к периодике, можно обнаружить порой жуткие эпизоды из частной жизни селян. В 1911 г. за истязание мальчика Ваньки была осуждена на три месяца ареста его мачеха, крестьянка села Безопасного. Это была обыкновенная молодая крестьянка с «отпечатком изнеможенности, забитости и слепой покорности судьбе»¹. Автор заметки, Н. Сербский в ней увидел не истязательницу, а женщину-рабу. Он сетовал по поводу частоты подобных случаев. В своем материале автор отразил особенность отношения современного ему социума к проблеме домашнего насилия над детьми: «Если есть общества покровительства животным, почему нет общества защиты детей. Наказавши бабу, ведь мы её ни чему не научили, не перекроили»².

Личная родительская власть некоторыми могла трактоваться совершенно извращенно, и иметь самые пагубные последствия для ребенка. В вышеописанной ситуации речь могла идти о сложностях крестьянского быта, о чрезмерности мер в воспитании женщиной не своего ребенка. Но зачастую в изучаемый период в семье случались инциденты, когда кровные родители становились источником физического насилия, имели место и случаи кровосмешения³. Так, житель села Кутульта растлевал всех своих несовершеннолетних дочерей, одна даже родила мертвого ребенка, которого похоронила её мать. Для девочек ужас длился около шести лет, пока их четырнадцатилетний брат не сдал отца в полицию⁴.

Особая эмоциональность и глубина общения родителей и детей в рассматриваемый период были скорее исключением, чем правилом. Ежедневная занятость всей семьи в разных отраслях домашнего хозяйства этому не способствовала. Кроме того, приоритетным полагалось физическое взращивание ребенка, духовное ограничивалось привитием религиозных ценностей. Забота о телесном благополучии детей тоже носила ограниченный характер. Ни мать, ни отец не уделяли должного внимания даже несмышленным детям. Поэтому и без того высокая детская смертность от антисанитарии и отсутствия должного медицинского обслуживания росла за счет несчастных случаев.

В местной печати приходится встречать заметки о гибели маленьких детей из-за отсутствия присмотра. По описаниям современников, маршрут прогулок маленького ребенка, который только недавно научился ходить, абсолютно не контролировался родителями⁵. Например, в 1867 г. в яме на огороде утонула двухлетняя дочь крестьянина Сухой Буйволы Пятигорского уезда Т. Пиляева⁶. Годом ранее так же погибла дочь крестьянина села Новогеоргиевского Козлитина⁷.

¹ Сербский Н. Истязание ребенка // Северокавказский край. 1911. № 53.

² Там же.

³ ЦГАРСОА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 162; Ф. 113. Оп. 1. Д. 40.

⁴ Сербский Н. Истязание ребенка.

⁵ Востриков П. А. Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 296.

⁶ Ставропольские губернские ведомости. 1867. № 21.

⁷ Там же. 1866. № 36.

В начале XX в. в провинциальной прессе стали публиковаться материалы, не просто информирующие о несчастном случае с ребенком, но и констатирующие отсутствие должного присмотра за детьми. Положение детей в сельской местности, частая детская смертность стали осознаваться как социальная проблема в масштабах региона. Все эти случаи не означают нелюбовь и полное отсутствие заботы о детях, скорее всего здесь уместно говорить о так называемом «любящем небрежении», которое было распространено в Древней Руси¹ и было устойчиво в сельской семье в изучаемый нами период.

Частые случаи детской смертности объясняли относительное спокойствие родителей, потерявших ребенка. Это внутрисемейное событие протекало непримечательно для окружающих. Приблизительно так писал П. А. Востриков об этом применительно к станице Наурской Терской области: «...поплачет немного мать, затем сосед возьмет гробик под мышку, отнесет на кладбище, а на могилке поставят небольшой деревянный крестик, чтобы не забыть места могилки. Дома мать устроит небольшие поминки, куда приглашаются дети, и дело с концом»².

Стойкость восприятия детской смерти существовала под влиянием еще одного фактора – религиозного. Если бесплодие считалось большим несчастьем, и характерным было высказывание «Бог не дал», то в отношении смерти ребенка вполне применима фраза «Бог дал, Бог взял». Православие, поддерживавшее авторитет старшего, учившее покорности и смирению перед властью, прививало смирение и перед ударами судьбы.

В сельском социокультурном пространстве особняком располагались семьи местной интеллигенции, в которых общение между родителями и детьми носило качественно иной характер. Отсутствие таких доминант, как большая патриархальная семья и тяжелый сельскохозяйственный труд, обуславливало особый тип детства. Ребенок был центром семьи, его благополучие физическое и духовное имело решающее значение для родителей, детям старались дать образование. К этой категории принадлежала семья священника села Летницкого В. Запорожцева. Воспоминания его дочери Марии, ученицы Ольгинской гимназии, содержат рефлексию по поводу собственного детства уже в зрелом возрасте³. Взаимная эмоциональная привязанность родителей и детей несомненна. При этом она открыто демонстрировалась как детьми, так и родителями, в том числе и отцом.

В семье брата Вячеслава Ивана, тоже священника, женившегося на казачке Матрене, обнаруживаем совершенно иное отношение к ребенку: «Дети были частыми, но плохо ухоженными»⁴. Автор воспоминаний отмечает, что внешне семья была дружной, но по мере взросления дети тяготились жестким кон-

¹ Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 305–345.

² Востриков П. А. Станица Наурская, Терской области // СМОМПК. Вып. 33. С. 287.

³ Чеха Н. Гимназистка. Воспоминания М. В. Сивовой-Запорожцевой. На правах рукописи.

⁴ Там же.

тролем и даже деспотизмом со стороны матери, поэтому стремились покинуть родительский дом¹, что в этот период было распространенным явлением в крестьянской и казачьей среде. Эпизод, посвященный семье Ивана и Матрены Запорожцевых, являет пример межкультурной коммуникации во внутрисемейном пространстве. Во взаимоотношениях поколений решающую роль здесь сыграли элементы культуры, носителем которых была женщина.

В среде сельского населения, таким образом, родительский долг по отношению к детям трактовался как обязанность обеспечивать пропитанием, одеждой, обучать христианским молитвам и обрядам, прививать трудовые навыки. В ребенка также закладывались основные принципы взаимоотношения родителей и детей уже в зрелом возрасте, прививались основы внутрисемейной половозрастной субординации. В случае с казачьей и крестьянской семьей оптимальным полагалось господство родителей и абсолютное подчинение детей, что было необходимо для полноценного функционирования большой семьи.

Положение младших членов сельской семьи было подчиненным независимо от их возраста и семейного статуса. Когда речь идет о взаимоотношениях поколений внутри семейного микросоциума, целесообразно акцентировать внимание на межличностных отношениях родителей и сыновей. Дочери рано выходили замуж и попадали в подчинение мужа и его родителей. Вступление в брак сына ничего для него не меняло, даже женатые сыновья должны были беспрекословно повиноваться родительской власти, к чему их обязывали традиция, светские и церковный законы.

Внутрисемейное пространство было прочно влито в общинное, поэтому приватное и публичное могли переходить в друг друга. Вообще приватность в крестьянском и казачьем социуме не подразумевала индивидуализации. В данном случае более уместно говорить о феномене «семейной приватности»², которая не была абсолютной, поэтому все семейные неурядицы быстро становились достоянием общности. Следовательно, поведение членов семьи регулировалось открытостью внутрисемейного пространства для постороннего взгляда, что дисциплинировало и заставляло максимально соответствовать своей семейной роли, в том числе отца, матери, сына и дочери. Если поведение юноши или девушки было девиантно относительно устоявшихся сельских норм, общественные институты в первую очередь апеллировали к родителям.

При удалении из общества села Высоцкого за порочное поведения девятнадцатилетней крестьянки Ф. Старцевой, с её отца, А. Старцева, была взята подписка о передаче дочери в распоряжение правительства и о его согласии на её удаление³. Таким образом, связь взрослых детей с социумом была подконтрольна родителям.

¹ Чеха Н. Гимназистка...

² Бойцов М. А. Германская знать XIV–XV вв.: приватное и публичное. Отцы и дети // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. С. 240.

³ ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 206. Л. 2.

Безусловно, прецеденты межпоколенных конфликтов имели место и в условиях господства большой патриархальной семьи. В усмирении вышедших из повиновения детей активное участие принимали общественные институты, например, община или станичный сбор. По требованию родителя, недовольного по какой-то причине сыном, его могли подвергнуть телесным наказаниям. В 1900 г. на станичном сборе в станице Ессентукской было высказано недовольство отменой этой практики, которая позволяла держать детей в «должном повиновении»¹.

Если хозяйство или промысел велись нераздельно, а во главе семьи стоял родитель, то неотделенные дети не считались участниками имущества и доходов семьи. Глава семьи считался единственным собственником и распорядителем имущества и доходов. Отец мог выгнать сына из семьи, при этом ничего ему не выделив. Например, в 1861 г. крестьянин села Белая Глина А. Романов «за непочтение к себе сына и другие пороки» устранил от наследства своего сына Алексея, и принял в дом племянника, предоставил ему часть наследства, предназначенную для сына, с условием, что он будет присматривать за ним в старости².

Современники отмечали положительные стороны патриархального уклада. Естественной заботой всех родителей является благо детей, но представления о нем отражают особенности окружающей действительности. Для главы семьи поддержание жесткой половозрастной иерархии было средством достижения главной цели всех родителей – благополучия детей. Как правило, в такой семье не было нуждающихся. Внутрисемейная специализация труда и половозрастная субординация способствовали материальному благополучию каждого члена семьи. Как писал Е. Передельский, «...член большой семьи не знает, что откуда берется, и куда употребляется...»³. Этот вид семьи в большей степени соответствовал требованиям сельской жизни⁴.

Изменения в социально-экономическом и общественном развитии Российской империи – как в городской, так и в сельской семье – затронули содержание межпоколенных связей. В целом, черты патриархального быта сохранялись в течение всего рассматриваемого периода в семейном укладе казаков и крестьян. Тем не менее определенная тенденция к гуманизации внутрисемейного пространства присутствовала.

Помимо экономических факторов, обуславливавших ускорение семейных разделов в сельской местности, были причины иного качества, в том числе изменение принципов взаимоотношений между родителями и детьми. Ослабление власти главы расшатало стабильность внутри семьи. В прессе и описаниях часто поводом для разделов назывались мелкие ссоры. Причиной раздо-

¹ ЦГАРСОА. Ф. 11. Оп. 7. Д. 164. Л. 77 об.

² ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4161. Л. 2.

³ *Передельский Е.* Несколько слов об общине среди казаков // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 48.

⁴ *Ефименко А.* Исследования народной жизни. М., 1884.

ра могла быть мелкая ссора или зависть между братьями и их женами ¹, а мог быть и межпоколенный конфликт, проистекавший из сопротивления родительскому деспотизму или из неуважения детей по отношению к родителям. В последней трети XIX – начале XX в. власть главы семьи над домочадцами ослабевала. При уменьшении семьи возрастало значение каждого отдельного фигуранта. При этом падал авторитет отцовской власти, что констатировалось современниками ².

Большинство сходилось во мнении, что разделы экономически невыгодны. Как правило, зажиточные сельские семьи были большими. Необеспеченность, и даже бедность грозила малым семьям. Дети оставались с родителями только при условии, что те не могли себя прокормить в силу преклонного возраста, и то оставалась семья одного сына. Его братья предпочитали самостоятельность, если предоставлялась такая возможность. Урон экономическому благополучию семьи от разделов также отмечался современниками ³. Констатируя растущую динамику в общем крестьянском экономическом расстройстве, другие полагали, что экономический упадок не был следствием разделов, а как раз наоборот, был первопричиной ⁴. Капитализация сельского хозяйства, усилившееся влияние города способствовали индивидуализации семейной жизни, укреплению границы между публичным и приватным.

Отсутствие внешних обстоятельств, поддерживающих большую семью, привело к её разрушению и увеличению количества малых семей. В казачьей среде до 1870-х гг. таким сдерживающим фактором были особенности военной службы. Каждый казак в течение 25 лет, а с 1860-х гг. – 15 лет должен был отбывать службу следующим образом: один год в войсках, один год дома на льготе. Подобный порядок вынуждал жить большими семьями, так как успешное ведение хозяйства в условиях малой семьи не было возможно. С 1870-х гг. срок службы ограничили пятью годами, но без перерывов. По прошествии пяти лет казак на все время оставался дома на льготе. С этого времени раздел семейств стал обычной практикой ⁵ и настолько повседневной, что в 1885 г. внимание на этот процесс обратило правительство.

Среди терского казачьего населения число разделов возросло с 231 в 1873 г. до 392 в 1882 г. ⁶ Общинные и станичные сходы, собранные по этому поводу, объяснили сложившуюся критическую ситуацию естественным увеличением населения, хозяйственными расчетами, а также внутрисемейными конфлик-

¹ *О семейных разделах* в Терском казачьем населении // Терские ведомости. 1885. № 2.

² *Передельский Е.* Несколько слов об общине среди казаков // СМОМІК. Тифлис, 1886. Вып. 5; *О семейных разделах* в Терском казачьем населении // Терские ведомости. 1885. № 2; *Терское казачье войско* в 1882 году (извлечения из всеподданнейшего отчета) // Терские ведомости. 1888. № 45; *Из быта казаков* // Терские ведомости. 1906. № 99.

³ См. например: *Ефименко А.* Исследования народной жизни. С. 125; *Семейные разделы* (из станицы Прохладной) // Терские ведомости. 1885. № 11.

⁴ *Ефименко А.* Исследования народной жизни. С. 125.

⁵ *Передельский Е.* Несколько слов об общине среди казаков...

⁶ *О семейных разделах* в Терском казачьем населении.

тами¹. Министерство внутренних дел, обеспокоенное масштабами явления (рост числа разделов в сельской местности – общероссийская тенденция), поставило их в зависимость от станичного и общинного сходов. Самостоятельно разделяться категорически запрещалось².

В крестьянской среде региона большая патриархальная семья была устойчивее, чем в казачьей. Главным сдерживающим фактором было освоение новых земель переселенцами из других губерний, хлынувших огромным потоком на Северный Кавказ после отмены крепостного права. На Ставрополье шел процесс вторичного формирования больших семей вплоть до начала XX в. Тем не менее с появлением новых экономических факторов с конца XIX в. число малых семей начало расти и в крестьянской среде³.

Интерес вызывает понимание ситуации представителями старшего поколения. Источником виделось небрежное отношение детей к своему сыновнему долгу. «Обыкновенно женившиеся сыновья не почитают своих родителей и стараются уйти от них и жить самостоятельно»⁴. Сложившаяся ситуация во взаимоотношениях поколений отличалась противоречивостью. При непосредственном общении родителей и детей все чаще возникало взаимное неприятие качества исполнения семейных ролей.

Социологи семьи полагают, что для нормальной и бесконфликтной организации внутрисемейного пространства необходимо совпадение представлений о выполняемых ролях, и чем больше поле совпадения, тем больше взаимопонимания и совместимости. Особенностью изучаемого периода стало уменьшение этой самой зоны совпадения во взаимоотношениях родителей и детей. Система семейных ценностей в рассматриваемый период находилась в состоянии трансформации, поэтому возникали несовпадения и противоречия. Личная родительская власть поддерживалась законом и традицией, при этом окружающая реальность вызвала к жизни сепаратистские устремления у представителей младшего поколения.

Наиболее рельефно эти тенденции просматриваются в конфликтных ситуациях. Требования каждого из участников конфликта отражают, с одной стороны, самоидентификацию представителей своего поколения в семейном микросоциуме, а с другой – понимание оптимального исполнения семейных ролей представителями противоположной стороны.

В 1890 г. казак станицы Ассинской М. Колесниченко обратился к атаману Сунженского отдела с просьбой принудить его старшего сына Василия жить в одном доме с отцом и присматривать за ним по причине преклонного возраста и слабого здоровья⁵. Интересно то обстоятельство, что интересы Василия отстаивали

¹ Терское казачье войско в 1882 году...

² О семейных разделах в Терском казачьем населении.

³ Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные воды, 1994.

⁴ Из быта казаков // Терские ведомости. 1906. № 99.

⁵ ЦГАРСОА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 146. Л. 69–70.

вала жена Лукерия, прошение которой имеется в материалах дела ¹. Вмешательство невестки в межличностные отношения отца и сына – это тоже своего рода признак либерализации мышления и поведенческих стратегий младшего поколения. Она обвиняла свекра в том, что он сам неоднократно выгонял их из дому, вынуждая поселиться у её отца, казака И. Сосова. Кстати, это обстоятельство вызвало крайнее негодование М. Колесниченко, он требовал наказать И. Сосова за подстрекательство сына к неповиновению отцу.

Самоидентификация М. Колесниченко отражает не только его отцовские права, но и обязанности. Он требовал принудить сына вернуть лошадь и обмундирование, купленные для него тестем, а также уплатить необходимую сумму за проживание в его доме. Он отметил в своем прошении: «Я в этом не нуждался, чтобы сына моего справляли люди, и чтобы он жил у них четыре месяца» ². В данном случае речь идет не только о признании своих родительских обязанностей перед детьми. Факт материального обеспечения посторонним человеком означал несанкционированное отцом вмешательство в его отношения с сыном, а также попрание его родительской власти.

Атаман Сунженского отдела приказал В. Колесниченко жить с отцом мирно, в противном случае ему с женой грозила тюрьма. Отцу же было предложено в воспитательных целях выпороть сына ³. В очередной раз можно убедиться в условности границы между сферами публичного и частного. Конфликт был открыт для общественности, в него оказались вовлечены станичный атаман и атаман отдела, принявшие сторону отца.

Сложность и конфликтность отношений отцов и детей констатировал Е. Передельский, описывавший быт и нравы казаков. В 1886 г. он писал о том, что, если сын хотел отделиться от отца, он начинал с ним тяжбу, подавал прошение в станичный суд, который принуждал отца выделить ему положенную часть. Автором отмечалось дробление семейств не по причине внешних обстоятельств, а в силу стремления каждого члена семьи к обособленной жизни ⁴. Более того, в количественном отношении разделы при жизни отца стали преобладать над разделами после смерти главы семьи ⁵. Все чаще сыновья стали пренебрегать властью отца и, выделившись со своей частью, жить отдельно.

Идентичные ситуации могли складываться в крестьянских семьях. Надо отметить, что не всегда представители власти действовали в пользу родителей, иногда они могли принимать сторону детей. В 1872 г. семидесятилетний крестьянин села Летницкого А. Пахомов подал жалобу на своего старшего сына Владимира, который на тот момент проживал в Ставрополе. Как отметил, А. Пахомов в своем прошении, сельский староста и писарь без разрешения родителя выдали его сыну документы на свободное проживание. Наряду

¹ ЦГАРСОА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 146. Л. 90–91.

² Там же. Л. 69 об.

³ Там же. Л. 92 об.

⁴ *Передельский Е.* Несколько слов об общине среди казаков. С. 51.

⁵ Там же. С. 50.

с этим моментом его возмущало позволение местных властей выделить сыну свою землю и отдать её в другие руки. В материалах дела, посвященного конфликту в обычной крестьянской семье, отражено восприятие сложившихся отношений как родителями, так и детьми. Причины произошедшего раздела каждой стороне виделись в кардинально разном свете. Отец обвинял сына, начавшего «делать ослушность, упорство и непокорство... а потом ушел в город Ставрополь»¹. Он требовал приказать Владимиру с семьей вернуться домой для «прокормления» его в старости².

По-другому ситуация была представлена младшими членами семьи Пахомовых. С встречным прошением к мировому посреднику обратилась жена Владимира Надежда. В свершившемся разъезде она обвинила свекра, который выгнал её и мужа, не предоставив даже необходимой одежды. Они вынуждены были искать возможность заработка, поэтому перебрались в Ставрополь. Там они успели «обжиться», и поэтому возвращаться не планировали.

Однозначно судить о правдоподобности информации, предоставляемой и той и другой стороной, сложно. Но преувеличивают и драматизируют родители и дети в одинаковой степени. Настаивать на этом позволяет наличие резкого диссонанса между содержанием их прошений. В реальности, скорее всего, был усредненный вариант, в котором имело место уменьшение той самой зоны совпадения представлений родителей и детей во взаимоотношениях друг с другом. Сын с семьей тяготели к большей самостоятельности и независимости, отцом проявление этих устремлений расценивалось как «упорство и непокорство».

Столкновения родителей и детей осложнялись материальной составляющей семейных отношений. Одним из пунктов обвинения, выдвигаемого А. Пахомовым, было уклонение от уплаты казенных податей. Владимир в 1871 г. отказался от наследства и обязался платить подати за умершего брата взамен возможности проживать отдельно от отца и не предоставлять ему содержание, что было аргументировано крайней бедностью.

Семейные разделы расшатывали общину. С ростом количества малых семей, по свидетельствам современников, увеличилось число одиноких стариков, бедствующих вдов. В начале XX в. стали запрещать разделы, и обозначилась тенденция к новой крайности, злоупотребление своей властью со стороны отцов, которая проявлялась в деспотизме по отношению к домочадцам, или в бездумной растрате семейного имущества.

Таким образом, в сельской местности Северного Кавказа (как в казачьей, так и в крестьянской семье, сохранялась патриархальная модель взаимодействия поколений внутри семьи. Воспитательные практики в отношении ребенка по-прежнему были гендерно ориентированы и имели сугубо трудовую направленность. Процесс социализации ребенка не предполагал плавности перехода из мира детства во взрослую жизнь, он происходил резко и в довольно раннем возрасте. Духовная составляющая воспитания в сельской местности

¹ ГАСК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 548. Л. 5.

² Там же.

в подавляющем большинстве семей была сведена к минимуму и, как правило, заключалась в привитии основ христианского вероучения и обряда, некоторые зажиточные семьи стремились дать образование своим сыновьям, еще реже дочерям. Взаимодействие родителей и уже взрослых детей в пространстве одной семьи основывалось на беспрекословном повиновении младших старшим. Даже статус сыновей при главенстве отца в семье по мере взросления практически не менялся, материально и эмоционально они были зависимы.

Тем не менее в рамках этой модели взаимодействия родителей и детей в пореформенный период стали появляться, а в начале XX в. усиливаться, элементы либерализации отношений между представителями разных поколений. Культура детства в крестьянской и казачьей семье к концу изучаемого периода практически не изменилась, а вот межпоколенная связь претерпела изменения. Во многих семьях этот процесс проявлялся в виде конфликтов, его индикатором стало ускорение семейных разделов, как в казачьей, так и в крестьянской среде, а также количественный рост малых семей. Власть родителей над взрослыми детьми значительно ослабла, и зачастую эта свобода доходила до полного пренебрежения родительским авторитетом. Противоречивость и переходность эпохи доказывается наличием обратных ситуаций, когда родительская власть отличалась крайним деспотизмом.